

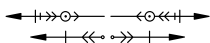
СКАЖИ МЯЦ, ВЕДЬМА

Дом проклятых кошек

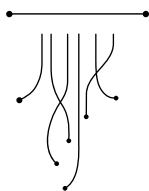
Дорога проклятых кошек

ВИКТОРИЯ
КИЛЕЕВА

**ДОРОГА
ПРОКЛЯТЫХ
КОШЕК**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К39

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Килеева, Виктория Александровна.

К39 Дорога проклятых кошек / Виктория Килеева. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-168486-0

Сбежать накануне собственной казни и начать новую жизнь в другом городе?

А если твоего любовника похитила твоя бывшая жертва, а тебя зачем-то преследует канцлер курфюрста? Придётся ехать к Балтийскому морю на поиски задолжавшего тебе колдуна, спасти любовника, спасти пиратов и спастись самой.

И вообще... бывших ведьм не бывает.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168486-0

© Килеева В.А., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

КОНЬЯК И ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

— **Ч**тоб ты знал, я тебя ненавижу.

— Чего это?

— Стоило мне отлучиться, чтобы проследить за кормёжкой лошадей, как ты коварно воспользовался моим отсутствием и... взял нам комнату всего с одной кроватью!

— Ты ведь давеча сама призывала меня к экономии.

— Призывала. Но не ценой моего спокойствия!

— О, так ты надеялась, что я...

— Иди бери вторую комнату.

— Свободных комнат больше нет.

— Тогда ты спишь на конюшне.

— Свободных мест на конюшне тоже нет.

— Ненавижу тебя!

С силой, удвоенной гневом, Лара хлопнула дверью и отправилась к хозяину гостиницы, в которой ей и Андреасу предстояло провести ночь. Хозяин и его жена, греясь у очага, ужинали наваристым супом.

— Скажите, — начала Лара, — нет ли у вас комнат с двумя кроватями?

— В вашей комнате стоит весьма удобная кровать для двоих, — с неожиданным укором сказал хозяин.

— Да, но я хотела бы спать отдельно.

— Вы и ваш спутник разве не молодожёны? — удивился он.

Лара поняла: любой её ответ — что положительный, что отрицательный — вызовет у мужчины похабную усмешку.

«Шлюха», — ясно сказал его взгляд раньше, чем она придумала убедительное оправдание.

— Мы брат и сестра, — настаивала Лара.

Ни один из супругов ей не поверил.

— Мне больше нечего вам предложить, — равнодушно ответил хозяин, возвращаясь к трапезе.

— Прискорбно.

«Надо продержаться всего одну ночь, — уговаривала себя Лара, поднимаясь обратно в комнату. — Завтра к обеду мы прибудем в Дрезден, и мне больше не придётся изображать неприступную крепость. Скорей бы кончилось это путешествие!»

Когда она вошла, Андреас меланхолично избавлялся от штанов.

— Не раздевайся, — запретила Лара.

— Да что ты там не видела? — отмахнулся тот.

— Вот именно, я видела всё. Пощади мои глаза.

— Мне жмёт!

Лара стремительно и с треском закрыла дверь ногой.

— Но я же терплю!

— Ты в юбке, — парировал Андреас, однако штаны в покое оставил. — Тело должно отдыхать хотя бы ночью.

— Наверное, за годы кошачьей жизни ты чересчур привык обходиться без одежды, — пробормотала Лара, скидывая башмаки.

Андреас не сводил с неё глаз, даже не пытаясь сохранить видимость товарищеских отношений.

— Я хочу, чтобы у нас было как раньше, — сказал он без затей.

Лара села к нему спиной с другой стороны кровати, снимая чулки.

— Как раньше не будет.

— Это говорит твой разум, — ложась, заметил Андреас. — Не может быть, чтобы от той страсти не осталось и следа...

— Не было никакой страсти, — нарочито зевнула Лара и, не оборачиваясь, положила голову на подушку. — Мною владело лишь любопытство.

— Нет, это была страсть!

— Любопытство.

— Страсть!

— Страсть к экспериментам.

— Врёшь! — Ни тени сомнения в голосе. — Я помню, какой ты была, с какими глазами ты садилась сверху, сжимая меня бёдрами, и шептала...

— Пошёл вон! — разозлилась Лара, фурией перекачиваясь на другой бок и одновременно — на колени. Заткнуть этот всезнающий рот навсегда было так важно и необходимо, что о последствиях не думалось. — Если ты не прекратишь, я выставлю тебя за дверь! Ты слишком много помнишь, забудь это! Забудь!

Её руки вдавливали ненавистные плечи в матрас. Но его зелёные глаза торжествовали. Только увидев под собой разгорячённое лицо Андреаса, его готовность и желание, Лара пожалела о своём порыве.

За полсекунды до того, как он потянулся к ней, она убрала руки и отпрянула.

Андреас шумно выдохнул.

— Ох, Лара... Я бы не смог забыть, даже если бы захотел. — Он раздвинул губы в мечтательной улыбке. — Помнить всякую неудачу, будто она случилась вчера, — ужасная мука. Но помнить каждый миг твоей нежности — не такая уж горькая участь.

— Чёрт бы побрал твою абсолютную память, — проворчала Лара, снова ложась и натягивая шерстяное одеяло до подбородка. — Спи, нам завтра чуть свет вставать.

Она почувствовала, как он касается её разметавшихся волос.

— Просто знай — я не намерен довольствоваться одними воспоминаниями.

Лара отодвинулась и посмотрела на него через плечо.

— Твой голос снился мне в кошмарах. И после этого ты ждёшь какой-то нежности?

— В каких кошмарах?

— В которых я беспомощная кошка, — бросила Лара, с удовлетворением отмечая, что в глазах Андреаса наконец мелькнуло понимание. — Просто знай — чем больше ты будешь бравировать своим упорством, тем упорнее я буду тебя избегать. Спокойной ночи.

«Две ночи подряд — бок о бок с бывшим врагом. О каком спокойствии может идти речь?..»

Лара проснулась от странного сочетания тепла и холода. Холодно было снаружи, а тепло — внутри, под одеялом. Настолько тепло, что создавалось

ощущение уютной тесноты. Вылезать из этого кокона не хотелось ни за какие сокровища, хотелось остаться в нём до весны и никуда не ехать.

«Я словно медведица, что ненароком пробудилась от спячки», — подумала Лара и потёрлась обо что-то щекой. Подушкой это не было. Что-то гладкое, приятно-знакомое... Знакомое?

Она распахнула глаза. Собственный бешеный пульс перекрывало чужое прохладное дыхание. Такое же тяжёлое, как и руки соседа по ночлегу.

— Не трогай меня!

— Я замёрз, — сквозь сон пробормотал Андреас, ещё крепче прижимая её к себе.

Грудь Лары оказалась вдавлена в его рёбра. Она едва не задыхалась — то ли от ярости, то ли от нестерпимого жара.

— Какого чёрта ты спишь полуголым, если давно не лето? Сейчас же проснись и отпусти меня, наглый котятра!

— М-м, не мешай...

— Не мешать? — возмутилась Лара и, найдя свои руки прижатыми к животу наглеца, с чувством ущипнула его.

Наглец сонно дёрнулся.

— Лара, к чему так спешить? — Его глаза приоткрылись, чтобы уставиться в её.

— Отпусти меня.

— Разве я тебя держу?

— Держишь.

Андреас не одну секунду обдумывал происходящее, прежде чем разжал руки, и, получив свободу, она отползла к краю кровати. Простыня неприятно охладила пятки. Лара выдохнула, чтобы проверить,

насколько в комнате холодно. Когда изо рта пошёл пар, она в ужасе выскользнула из-под одеяла и принялась натягивать чулки.

За окном синел осенний предрассветный мир.

— Воздух ледяной!

— Оттого я и замёрз. — Андреас по-кошачьи свернулся под одеялом.

— Надо согреться. Нам ещё ехать часов шесть, и вряд ли на улице теплее, чем в доме.

— Я знаю быстрый способ согреться, — неожиданно бодро сказал бывший кот.

— Я тоже, — отозвалась Лара, кидая в него подушку. — Нужно просто выпить горячего.

«Или горячительного» — вспомнила она и втиснула ноги в башмаки.

— Я скоро приду.

Лара спустилась вниз и, погрев руки у догорающего очага, вышла в студёный двор. Зайдя в каретник, она открыла дверцу золочёной кареты и сунула руку под сиденье. Три ящика коньяка были на месте.

Вернувшись в комнату с бутылкой, Лара замешкалась на пороге — одетый Андреас сидел за столом и разливал по кружкам что-то дымящееся.

— С завтраком придётся обождать, зато хозяйка поделилась кипятком, — хвастал он, опасно приподняв котелок. — Что там у тебя?

Лара смущённо показала бутылку.

— Ох ты ж. Ну и кто из нас пьяница? — злорадствовал Андреас.

— После знакомства с тобой я задаю себе тот же вопрос, — кивнула она. — Отнесу бутылку обратно.

— Неси сюда! Сделаем глинтвейн, только без пряностей и с коньяком.

Андреас привычным движением откупорил бутылку, плеснул в кружку янтарной жидкости, и больше Лара ничего не помнила. В следующий — уже осознаваемый — миг она сидела на козлах кареты, прижимая бутылку к груди.

«Как я сюда попала?!»

Лара осмотрелась — Андреас в камзоле из чёрного бархата стоял внизу перед Адской Тьмой и прочими запряжёнными кобылами и тряс обширной бумагой.

— Вот, смотрите. Мы находимся здесь, а надо нам туда, где написано «Дрезден». Всё ясно?

В лошадином ржании легко угадывалось недоумение.

— Что тут непонятного? Вот дорога, там лес...

— Ты где карту достал? — совсем удивилась Лара.

— У хозяина купил, — ответил собутыльник. — Забыла? Ещё попрекала меня тем, что я деньги неразумно трачу и вообще можно на указатели смотреть.

— Когда ты успел посадить меня на козлы?

— Да ты сама на них залезла.

Испуганная Лара вцепилась одной рукой в сиденье, но бутылку не выпускала.

— Андреас, поди сюда. Похоже, у меня провалы в памяти...

Тот коротко засмеялся.

— У тебя в памяти не провалы, а проливы. Коньячные.

— Сколько же мы выпили?!

— Зато не холодно. Не отвлекай. Не видишь, дорогу показываю? Тьма! Ты скажи своим подружкам... — Андреас сунул пальцы в рот и звонко свистнул. —

Девки! На меня смотреть. Если понятно — машем головой вниз, а непонятно — в стороны. — Он старательно показал на себе. — Всё ясно?

— Андреас, ты пьян, — озарило Лару.

— Кто пьян? Это ты пьяна — бутылку, как родную, обнимаешь.

— Спорим, я берегла её от тебя? — Она наконец взгляделась в мутное стекло своего трофея. — Но бутылка почти полная...

— Так это вторая.

— Андреас, мы напились! — с тревогой воскликнула Лара. — Как мы до столицы-то доедем?

— Это ты напилась, а я всего три кружки опрокинул — и те разбавленные, — отрекся тот.

— Ты разговариваешь с лошадьми!

— Так мы с Адской Тьмой и по трезвости беседуем.

— Да, но ты объясняешь лошадям дорогу!

— Не объясняю, а показываю! — Андреас встряхнул карту и ткнул в неё пальцем, чуть не порвав. — Потому что сам я ни черта в этих значках не понимаю!.. — Он помолчал, цокнул языком и вздохнул: — Мы напились.

«Дал бог попутчика», — мысленно проворчала Лара и велела:

— Покажи карту.

— Ох, киса, если я не разобрался, то ты тем более не одолеешь.

Лара придала лицу самое хмурое выражение, на какое была способна.

— Я имею в виду, что... ты же больше меня выпила, — примирительно заулыбался Андреас. — Ты когда вторую бутылку сцапала, уже водой не разбавляла — с горла пила.

— Что же ты меня не остановил? — подбоченилась Лара, не выпуская коньяк.

— Ты меня этой бутылкой бить грозилась. Кобылы подтвердят. — Бывший кот кивнул на Тьму и её товарок. — Или не веришь?

— Верю. — Лара протянула руку, стараясь не слишком наклоняться, чтобы, не приведи господь, не свалиться с козел. — Карту дай.

Андреас был прав — разобраться в линиях и знаках оказалось непросто, но признавать это вслух Лара считала ниже своего достоинства. А потому, покачиваясь, спустилась на землю и отдала лошадям распоряжение:

— Едем прямо. Как увидите перекрёсток.. — Она бросила в карту притворно-небрежный взгляд. — Тогда налево поверните.

— Как кобылы догадаются, где лево, а где право? — пристал Андреас.

— По шуму воды. Левая дорога ведёт к реке, на которой стоит Дрезден. — Лара снова обратилась к лошадям: — Тьма и прочие..

— Надо дать им имена, — вмешался бывший кот.

— Кому?

— Лошадям. Им, должно быть, обидно, что у Адской Тьмы имя есть, а у них — нет.

— Ты уверен, что имени Адская Тьма можно позавидовать?

Андреас пьяно отмахнулся и, в задумчивости прижав палец к губам, принялся щедро раздавать кобылам имена:

— Снежинка! Ромашка! Весна! И Адская Тьма.

— Они же серые, — сказала Лара.

— Не суть.

— Ладно. В общем, так, Тьма, Снежинка...

— Ромашка, — подсказал Андреас.

— ..Ромашка и... Весна. На перекрёстке поезжайте в сторону реки. Или ржать начните, чтобы мы вас направили.

— В крайнем случае у местных спросите, — поддержал бывший кот.

Пропустив его шутку мимо ушей, Лара открыла дверцу и поставила не востребовавшую бутылку обратно в ящик.

— Вы меня, конечно, извините, но я пошла спать! — объявила она, устраиваясь поудобнее.

Следом за ней в карету сел Андреас.

— Я тоже подремлю...

— А кто на козлах будет сидеть? — запротестовала Лара.

— Там спать жёстко. И дует, между прочим.

— Да при чём тут это? Что подумают люди, если увидят карету без кучера?!

— Я лучше буду мягко спать, чем волноваться о том, что подумают один или два человека, которые встретятся нам в пути, — ответил Андреас и высунул голову из окна. — Снежинка, Ромашка, Весна и Адская Тьма, вперёд!

Самым удивительным было то, что кобылы верно поняли все объяснения и довели их до стен Дрездена без приключений. Хотя Лара и Андреас уснули в разных углах кареты, проснулись они голова к голове.

— Ты слишком близко, — проворчала Лара.

— Ты сама на меня улеглась.

— Мог бы и сбросить, я бы не обиделась.

— Ты бы ушиблась.

Лара приняла независимый вид и отползла к окну. Пейзаж давно переменялся — карета проезжала по каменному мосту через Эльбу. Они остановили кобыл, чтобы сесть на козлы.

— Какие у нас умные лошади, — отметила Лара, собирая волосы в узел.

— Угу, — согласился Андреас. — Особенно если учесть, что, кроме Тьмы, они все заколдованные мыши.

— Ну ты и скупердяй.

У городских ворот стояли стражники, которым надлежало заплатить пошлину.

— Откуда едете? — поинтересовался один из них, окидывая золочёную карету оценивающим взглядом.

— Из Кемница, — ответил бывший кот.

— Беженцы?

Лара и Андреас переглянулись.

— Нет, путники, — возразила Лара.

— Все вы так говорите. Проезжайте.

Вскоре после въезда в столицу Лара отметила, что Дрезден куда больше Кемница и от войны пострадал куда меньше.

— Гляди, какая красота! — восхитилась она, заведя трёхэтажный замок в стиле ренессанса с множеством пристроек.

— Здесь живёт наш курфюрст, — блеснул познаниями Андреас.

Они доехали до Нового рынка, где шла оживлённая торговля. Кого только не было на рыночной площади — сыроделы, молочники, пекари, мясники, стеклодувы, гончары, кукольники. Лара, никогда не видевшая в Кемнице столько народа, с любопытством вертела головой. Душистые запахи еды и рез-

кая вонь, характерная для городов, слились в один тошнотворный аромат, который воскресил в её памяти недоброе воспоминание...

Андреас хотел уже сойти с козел, когда Лара обрушила ему на плечо ладонь.

— Погоди.

— В чём дело?

— Сын Крэхэ говорил, что в Дрездене была чума. Бывший кот изменился в лице.

— Как хорошо, что ты об этом вспомнила. Очень своевременно!

— Хотя, наверное, чума уже прошла, иначе бы люди так не толпились, правда? — сказала Лара, пытаясь развеять собственный страх.

Но Андреас не давал ей ложных надежд:

— Ты хочешь заразиться? А вдруг они пока не знают, что больны?

Некоторое время они сидели на козлах, прижавшись друг к другу, и с подозрением всматривались в лица беспечно гуляющих внизу людей. Лара подавала голос первой:

— Что будем делать? Вроде бы замертво никто не падает.

— А вон тот, гляди, как кашляет. — Андреас показал на тощего старика. — Вот-вот богу душу отдаст. Ещё посидим?

— Посидим, — обречённо кивнула она.

Андреас накрыл её руку ладонью и сплёл пальцы со своими. Они просидели на козлах добрых три минуты — и Лара не сдержалась:

— Нам что, до скончания веков так сидеть?!

— Можно вернуться в мою деревню, — предложил Андреас, а когда Лара со стоном уронила голову

на руки, добавил: — Но так и быть, давай у кого-нибудь спросим.

— Вот так запросто? «Как у вас дела с чумой?»

— А что ещё прикажешь делать? Э-э... Любезный! — крикнул он торговцу, что нёс за спиной короб с деревянными игрушками. — Как найти ближайшую мебельную лавку?

Тот показал на обветшалую церковь.

— Обогните церковь Богородицы да ступайте вдоль реки.

— Благодарю! А-а... скажите, нет ли в городе чумы? — настороженно уточнил Андреас.

— Солдаты ушли, и то счастье. — Мужчина поднял указательный палец. — Война — это та же чума.

— Спасибо, — облегчённо выдохнул Андреас и похлопал Лару по колену. — Чума закончилась, слезай!

— Дай бог, чтобы мои родители были живы, — порбормотала она, спускаясь на землю.

Хозяин мебельной лавки внимательно выслушал их просьбу и проводил в мастерскую, где трудились мужчина лет сорока с красным лицом и четверо юношей. И мастер, и его подмастерья глядели на Лару так, словно женщины никогда не переступали порог их святилища.

— Добрый... день, — надломленным голосом поздоровалась она.

— Добрый, — с выжиданием откликнулся мастер.

— У вас... ребёнок, случаем, не пропал?

И без того красное лицо совсем побагровело.

— Ты что такое говоришь?

— Не сейчас, нет, — успокоила Лара. — Восемнадцать лет назад.

— Восемнадцать лет назад я ещё имел счастье быть неженатым.

Юнцы засмеялись, отчего Лара совсем расстроилась. Слово взял Андреас:

— Вы, должно быть, знакомы со всеми мебельными мастерами?

— Знаком, но не со всеми, — ответил мужчина.

— У кого-нибудь из них восемнадцать лет назад пропадала годовалая дочь?

Мебельщик задумчиво вытер тряпкой лоб.

— Вам надо к мастеру постарше обратиться. Запоминайте, как его сыскать...

Лара и Андреас поехали по новому адресу. Лавкой руководил пожилой мастер, который выказывал недовольство тем, что его отвлекли от работы. Но едва старик услышал вопрос Лары, как взгляд его потеплел, и он улыбнулся:

— Хочешь сказать, что это ты?

Она с надеждой кивнула.

— У старого Франц-Ганцен-Мюллера как-то пропал маленький ребёнок, — поведал мастер. — Не помню, мальчик или девочка.

— Франц... кто? — поморщилась Лара.

— Франц-Ганцен-Мюллер, — без запинки повторил Андреас и хмыкнул. — Сочувствую, киса.

— Спасибо, — грустно вздохнула та.

Мастер достал из ящика стола бумагу и чернила.

— Я напишу название улицы.

— Лара Франц-Ганцен-Мюллер, — потешался Андреас, когда они покинули лавку.

— Да мне вся жизнь понадобится, чтобы запомнить собственную фамилию! — проворчала Лара, глядя в заветный ключок.

— А Ботманн запомнишь?

— А?

— Выходи за меня замуж, тогда и Франц-Ганцен-Мюллер запоминать не придётся, — весело сказал Андреас.

— За кота замуж? — усмехнулась она. — Нет уж. Мне больше по нраву быть Ларой Лихт.

— Ты носишь фамилию женщины, которая укра-ла тебя, чтобы бросить в жертвенную бездну?

— Но ведь в последний момент она передумала...

— Ты носишь фамилию женщины, которая пыта-лась бросить в жертвенную бездну твоего возлюб-ленного? — не унимался Андреас.

— Но... — Лара нахмурилась: ей не нравилось, когда её дурачат. — Ты мне не возлюбленный!

— Я твой друг и любовник, — настаивал тот.

— *Бывший* любовник. И просто попутчик, не друг. Не приписывай себе лишние звания.

— Как это не друг? Мы с тобой шесть лет в одной кровати спали!

Когда несколько горожан повернули в их сторо-ну головы, Лара ткнула Андреаса в бок и прошипела:

— Ну хорошо — товарищ по несчастью.

— Я бы предпочёл именоваться товарищем по счастью, — признался бывший кот. — Меня тебе не жаль, а как быть с другими жертвами? Вспомни, Лара. Где твоя гуманность? Ты носишь фамилию женщины, которая убивала детей.

— Я помню! Однако эта женщина меня воспитала.

— Думаешь, твои родители воспитали бы тебя хуже?

«Родители... До сих пор не верится, что у меня есть родители».

— Нет, — поникла Лара. — Наверное, лучше.

— Не появись в твоей жизни старуха, у тебя бы с детства были мать и отец. Мне не понять странной благодарности, из-за которой ты продолжаешь называть себя Ларой Лихт.

«Изольда Лихт остаётся моей бабушкой, несмотря на все свои преступления», — подумала Лара, но объяснять это не хотелось.

— Мною движет не благодарность. Я просто привыкла к своей фамилии.

— Чёрная ведьма по фамилии Лихт¹, — ухмыльнулся Андреас. — Самоиронии у твоей бабки хоть отбавляй.

Они остановились в гостинице недалеко от мебельной лавки Венда Франц-Ганцен-Мюллера.

— Тебе не обязательно идти вместе со мной, — сказала Лара после того, как конюх отвёл лошадей в конюшню.

— А если заблудишься? Ты ведь в первый раз в столице?

— Да. Как и ты.

Андреас одарил её самодовольной улыбкой:

— Не беспокойся, киса, с моей памятью потеряться невозможно.

«Хвастун! Мне и так нелегко, а ещё придётся тебя убеждать, что в мою первую встречу с родителями твоё присутствие излишне, — размышляла Лара, пока они шагали по улице. — Как только увидим лавку, отправлю тебя обратно в гостиницу, раз ты такой недогадливый».

---

¹ Licht — свет (*нем.*).

Вскоре показалась кривая вывеска «Мебель», что торчала сбоку кирпичного дома. Сердце заколотилось, словно заведённое.

«Это здесь», — подумала Лара и вздохнула, приготовившись к спору.

— Теперь сама, — вдруг объявил Андреас. — Если я пойду с тобой, то помешаю.

Она не поверила своим ушам.

— Ты не собирался меня сопровождать?

— Нет, я лишь собирался тебя проводить и вернуться в гостиницу.

— И давно ты такой понимающий?

— Всегда, — кратко ответил бывший кот. — Но это вовсе не значит, что мне не интересно. Я подожду, когда ты сама представишь меня своей семье.

Лара усмехнулась. Однако руки всё равно дрожали. Пальцы сцепились в замок, пытаясь усмирить эту дрожь.

— Боишься? — спросил Андреас, заметив её жест.

Она кивнула.

— Ты тоже боялся?

— Нет, я спешил скорее порадовать отца и мать.

«Будет ли кто-то мне рад?» — засомневалась Лара.

— Но я — другое дело, — продолжал Андреас. — Меня было легко узнать. Я пропал всего на шесть лет, а ты — на восемнадцать.

«Вот именно. Что они за люди? Как меня примут? Может, будет лучше, если Андреас пойдёт со мной?» — все эти вопросы наводнили голову Лары и так испугали, что её затошнило. Она шагнула назад.

— Вернёмся.

— Чего это?

— Я не смогу поладить с этими людьми, я передумала, — твердила она, глядя себе под ноги. — И пробовать не стоит. Мне страшно, не хочу..

Серокаменная мостовая сменилась чёрным бархатом камзола. Стало теплее, надёжнее. Запахло домом. Тем домом, что остался на опушке букового леса рядом с Кемницем. Лара не сразу осознала, что Андреас её обнял. Она уткнулась лбом в его плечо, вбирая запах табака и мяты и понемногу приходя в себя. Задумалась о том, как странно они выглядят со стороны, — две бывшие жертвы чёрной ведьмы, ищущие друг в друге опору.

«Мне больше некуда возвращаться, кроме твоих объятий» — эта мысль возникла одновременно с желанием ещё теснее прижаться к его груди.

В ухо, унимая тревогу, пробрался не то шёпот, не то вздох:

— Даже если тебя не примут, ничего не бойся — у тебя есть я.

Когда Лара начала отстраняться, Андреас с видимой неохотой разомкнул руки. Она не улыбнулась, не поблагодарила. Просто нашла его блестящие глаза и сказала:

— Я вернусь.

— Я буду ждать.

Лара направилась к дому.

С сердцем, готовым остановиться, она несколько раз вдохнула холодный воздух и постучала в одну из двух дверей — в ту, на которой не висело замка. На мгновение вспомнилось злосчастное утро, когда они с Крэхом пришли к его сыну, что в тот же вечер выдал их канцлеру. Лара слегка потрянула головой,

чтобы дурные воспоминания не одолевали её в такой важный момент, и дверь отворилась.

Многого ожидала Лара, но только не того, что увидела.

На пороге стояла девочка лет десяти. Пух светлых волос выбивался из-под чепчика; руки, усеянные цыпками, сжимали грязный передник. И ничего особенного в этой девочке не было, кроме того, что она выглядела почти точной копией Лары в детстве.

Голубые глаза ребёнка округлились, подбородок затрясся, а губы раздвинулись, хоть и остались бессловесны. Секунды спустя девочка нашла в себе силы воскликнуть:

— Мама?!

Глава 2

РОДНЫЕ ЧУЖАКИ

Лара не знала, как быть. Девочка тем временем опомнилась и быстро сказала:

— Простите.

— Это ты меня прости! Здесь ли живёт Венд Ф-ф... — Лара развернула спасительную бумажку. — Ф-франц...

— Франц-Ганцен-Мюллер, — закончил ребёнок, с некоторой досадой оглядывая Лару.

— Значит, я не ошиблась домом. Как тебя зовут?

— Лара.

«Бог мой, — ещё больше растерялась Лара. — Мало того что мы и так похожи...»

— Лархен¹, кто там? — рвался из глубины дома сильный мужской голос.

Лара схватила девочку за руку.

— Проводи меня к своим родителям.

Лархен полностью открыла дверь, пропуская Лару внутрь.

— Папенька, к тебе пришли!

В передней появился седой безусый мужчина лет пятидесяти в колете из мягкой коричневой кожи.

«Если эта девочка — моя младшая сестра, стало быть, это... мой отец?»

— Здравствуйте, — дрожащим голосом проговорила Лара. — Я...

Хозяин дома смотрел на неё, как на бесплотного призрака.

— Т-ты Лара?

«Ну вот, и объяснять ничего не нужно», — подумала она и кивнула.

— Инго, живо сюда! Инго! — воскликнул мужчина.

По скрипучей лестнице сошёл блондин исполинского роста с собранными в хвост волосами. На вид он был немногим старше двадцати.

— Господь всемогущий, это что же, сестрица?!

Внезапно седой мужчина шагнул к Ларе и крепко её обнял. В нос ударил кислый запах. Она невольно отстранилась, чтобы объятия длились как можно короче.

«Словно я потеряла память, а теперь меня знакомят с забытой роднёй».

— Как... откуда? Где ты была? — допрашивал мужчина, сжимая её руки в шершавых ладонях.

---

¹ Маленькая Лара (*нем.*).

— Меня похитила одна бездетная женщина, которая жила... в Кемнице. — Лара мысленно выругала себя за то, что не продумала свою речь. — Недавно она умерла, оставив письмо о том, как вас отыскать.

— Бог вернул нам Лару! Будь благословенен, Господи...

— Ты меня не помнишь, — оскалился светловолосый великан. — Я твой старший брат Инго.

Он сгрёб Лару своими ручищами, прижал к груди и поцеловал в лоб. Лара чувствовала себя странно. Так странно, что хотелось бежать, только бы прекратить эту череду неловких слов и слишком крепких объятий.

В углу стояла растерянная девочка. Наконец хозяин обратил на неё внимание и подвёл к Ларе.

— Знакомься, Лархен, это твоя старшая сестра.

«Какой у девочки тяжёлый взгляд», — отметила Лара и попыталась улыбнуться:

— Здравствуй, Лархен.

— Почему её зовут, как меня? — спросила девочка, переводя гнетущий взор на отца.

— Потому что до того, как ты родилась, у нас уже была дочка по имени Лара, но она пропала. А теперь нашлась...

«Это всё равно не объясняет, почему вы назвали другого ребёнка именем пропавшей дочери», — подумала Лара, но ничего не сказала.

— Ты очень похожа на маму, — уставившись на неё, пробормотала Лархен.

— Сходство необычайное, — подтвердил отец. — Поэтому мы сразу поняли, кто ты.

— А мама... — начала Лара, предполагая ответ на вопрос.

Инго опустил голову.

— Мать умерла от болезни. Уже два года прошло.

Лара с сочувствием посмотрела на сестрёнку.

«Как ей, наверное, нелегко — остаться без мамы в таком раннем возрасте».

— Жаль, она не дожила. — Отец опять взял Лару за руки. — Давай присядем. Ты приехала из самого Кемница? Сейчас мы поедим, и ты нам всё расскажешь. Лархен, накрывай на стол! И бочонок вина не забудь. Выпьем, дочка?

— Да ну вы что, я только протрезвела...

Ларе потребовался час, чтобы понять — весь дом держится на десятилетней Лархен. Девочка убирала, стряпала, бегала на рынок, топила печь, смотрела за курами, штопала и бог знает что ещё. Лара молча негодовала. Чем больше обязанностей упоминали мимолётом родные, тем сильнее сжимались её губы и хмурились брови.

— Отец, почему вы не наймете служанку? — не вытерпела она, когда Лархен скрылась в кухне. — Ведь у вас своя мебельная лавка, а значит, в средствах вы не стеснены.

Мужчина воззрился на неё с таким изумлением, будто она спросила, отчего они не держат дома дракона.

— На что нам служанка? Лара-младшая со всем справляется.

Лара, видевшая мозолистые руки сестры со следами ожогов, так не думала.

— Но ей всего десять. Девочке нужно учиться...

— Учиться? Зачем ей учиться? — не понимал отец, накладывая себе тушёной капусты. — Лархен

немного умеет читать и считать, а большего ей и не надо. Её Инго научил, сам я грамоту не знаю.

— Кто же заведует вашими доходами и расходами?

— Я. — Инго оторвал зубами кусок от бараньей ноги и, не прожевав, добавил: — Я готовлюсь стать юристом.

Отец надсадно прокашлялся.

— Какие там доходы-расходы? Я и мастер, и лавочник. Но сейчас захворал, поэтому лавка закрыта.

— А подмастерья? — спросила Лара.

— Подмастерья получили звания мастеров да распрощались, новых я не набрал.

Эта новость её приободрила, и, как оказалось, напрасно.

— Не нужны мне подмастерья, — продолжил отец. — Их учить надо. А я уже старый, хочу последние силы истратить, чтобы сына выучить. Только не желает он в моё дело вникать. — Он наградил молодого человека укоряющим взглядом. — Не увлекает Инго наше ремесло, как ни бьюсь с ним. Двадцать два ему. Что-то знает, умеет, но страсти к мебельному делу у него ни капли. Пусто.

— Мне интереснее работать головой, чем руками, — с лёгким вызовом ответил Инго, подливая Ларе вина.

«Надо прекращать столько пить», — подумала она, осушая половину кубка.

— Вот такой я несчастливек, дочка, — пожаловался отец, — даже некому дело своё передать.

Лара не собиралась торопиться с признаниями, но ей так хотелось порадовать этого рано состарившегося человека...

— У меня есть страсть! Я хочу мастерить мебель. С детства хотела, не зная, кто мой отец и откуда во мне это желание.

Голубые глаза отца, что минуту назад были грустны, просветлели. Он раздвинул губы в страдальческой гримасе и отчасти засмеялся, отчасти закашлял. Лара, привычная к такому отклику, не обиделась. Лишь вздохнула — опять придётся убеждать, взывать к разуму, преодолевать недоверие...

— Рассмешила ты, дочка! — всхлипнул отец. — Да только шутками меня не утешить.

— Я не шучу, — твёрдо сказала Лара. — Делать мебель — моя мечта. В Кемнице я часто ходила в мебельную лавку, чтобы изучать столы, стулья и шкафы. Я даже привезла один с собой. Он остался в гостинице — двустворчатый, из ясеня, великолепный образчик поздней готики. Хоть сейчас привезу. Только когда бабушка... женщина, что меня похитила, рассказала, из какой я семьи, я поняла, откуда во мне зародился этот интерес.

В отцовских глазах блеснула тоска, и он покачал головой.

— Одного интереса здесь мало.

— Я понимаю, многому надо учиться. Живя в Кемнице, я просила мастера давать мне уроки за деньги, но, увы, в последний момент он отказался.

— И правильно сделал.

«Они везде одинаковые», — пронзила Лару ужасная мысль.

— Я... я ехала сюда в надежде, что вы не позволите предрассудкам возобладать над собой и... согласитесь меня учить.

— Значит, ты ехала зря.

Она обомлела.

— Что?

— Ты женщина, Лара, — почти с упрёком заметил отец. — Никто в здравом уме не станет учить девицу мебельному делу.

— Но из ваших детей я — единственная, кто искренне хочет обучиться ремеслу, — не выдержала та. — Кому тогда вы передадите своё дело, если брату оно не нужно?

— Никому! Лучше никому, чем женщине! — рассердился отец. Потом спохватился и чуть мягче добавил: — Уж прости меня, дочка, но ты такой вздор говоришь, что и спорить с тобою неловко. Глупости это.

— Возможно, я рано затеяла этот разговор, и наступит день, когда вы передумаете, — не сдавалась Лара.

— И думать нечего. Бог с тобой, Лара! Будь ты парнем и скажи такие слова... да я бы стал сегодня самым счастливым отцом на свете. Но я не могу оставить свою лавку дочери!

— Почему?

— Наше ремесло передаётся исключительно по мужской линии, как ты не поймёшь такую простую вещь?

— Вы правы — я не понимаю. — Лара поднялась из-за стола.

— Просто смирись.

— Не смирюсь, — бросила она на ходу.

— Ба! Да кто тебя замуж-то возьмёт с таким неносным характером?

«Насмешка? В его голосе была насмешка?!»

Лара развернулась на каблуках, чтобы посмотреть на мужчину, оказавшегося её отцом.

— В Англии женщины правили страной...

— А теперь там революция! — воскликнул отец. — Король вынужден скрываться от собственного народа. Выходит, зря на женщин полагались?

— По-вашему, королева, умершая полвека назад, повинна в том, что творится сейчас? — опешила Лара.

Отец поморщился, будто ему было противно ломать голову.

— Скажу попроще, чтоб ты поняла. Если одни женщины станут претендовать на трон, а другие — на семейное дело, к чему мы придём? К тому, что нам больше не понадобятся мужчины?

— Какой странный вы делаете вывод, отец.

— Какой есть.

— Я ведь не просила о наследовании лавки. Я говорила лишь об учёбе. Дайте мне хотя бы попробовать, уделите всего полчаса.

— Что решат те полчаса? — упорствовал мужчина.

— Для начала научите меня плотничать...

— Лучше я научу тебя жить. — Он опрокинул в рот последние капли вина. — Укороти свой нрав — вот мой отцовский совет. Другого не жди, не дождётсяся!

Лара сама не поняла, как выбежала на крыльцо.

«Как я могла родиться от столь тёмного человека? Как?! Неужели это мой родитель?!»

Дверь скрипнула, по крыльцу мазнул свет фонаря. Уверенная, что за ней пришёл отец, Лара не оборачивалась.

— Сестрица, — протрубил мощный голос Инго.

Обернувшись, Лара вздрогнула — её по-прежнему пугала огромная фигура брата. Тем более в сумерках.

— Ты хотела научиться плотничать?

Она энергично кивнула.

— Если ты решила твёрдо, то пойдём со мной в мастерскую. Я научу тебя строгать.

— Правда?!

— Держи. — Отдав ей фонарь, Инго отпер замок на соседней двери, и Лара с восторгом последовала за братом в лавку.

Мебели было выставлено немного — несколько стульев, секретер с отделкой из палисандрового дерева и высокое кресло. Но и того хватало, чтобы оценить безупречность работы.

Лара провела пальцами по тончайшим змейкам в инкрустации секретера.

— Сколько же времени и сил было потрачено, чтобы сотворить такое великолепие... Если продать этот секретер, на вырученные деньги можно жить целый год!

— Угу, поэтому цех и запрещает выставлять его на продажу, — сказал Инго с обидой, которая явно отболела, но не забылась. — Слишком дорогой. А новое отец уже делать не хочет.

— Долго он хворает?

— Второй месяц пошёл. К врачу не обращается — боится узнать, что скоро умрёт.

«И как в одном человеке сошлись такой талант и такая косность?» — с сожалением подумала Лара.

В соседнем помещении находилась мастерская. Инго повесил фонарь на крюк и указал на рубанок с длинной колодкой, стоявший на краю рабочего стола.

— Тебе знаком этот инструмент?

— Это рубанок, — ответила Лара.

— Фуганок, — уточнил брат. — Он нужен для выравнивания широкой поверхности, а ещё для прифуговки кромок длинных деталей. Сейчас мы будем обрабатывать эту липовую доску. Подойди сюда и смотри внимательно.

Инго взялся за рукоять, несколько раз провёл фуганком по древесине, после чего, убрав из прорези стружку, уступил место Ларе. То, что было для брата обыденным делом, казалось ей удивительным таинством.

— Слишком нежничает. Нажимай сильнее, — велел Инго, отгесняя её от стола и показывая снова.

Лара не осмелилась сказать, что она не нежничает, а скорее благоговеет перед этим волшебным орудием, которое раз за разом превращало кусок дерева в совершенство. Поверхность под её пальцами становилась гладкой, как шёлк, и она не могла поверить, что тоже причастна к этому чуду.

«Вот она, магия!» — восхитилась Лара.

Комната наполнилась слабым запахом липы. Брат положил на ладонь шелестящую стружку.

— Видишь, пока поверхность была неровной, стружка отходила кусками, а теперь она непрерывна. Это значит, что поверхность сровнялась.

— Понятно, — кивнула Лара и горячо заговорила: — Спасибо тебе, Инго. Я очень рада, что хотя бы ты в меня поверил. Как же приятно встретить человека с живым и гибким умом...

Инго насупил золотистые брови.

— Ты, видно, превратно меня поняла, сестрица. Я верю, что тебе нравится мебель и ты в ней даже разбираешься, но требовать уроков... Я позвал тебя в мастерскую, дабы показать, на какое тяжёлое ре-

месло ты притязаяешь. Чем спорить с отцом, попробуй взять инструмент.

— Чтобы убедить отца, что я чего-то стою? — воодушевилась Лара.

— Нет, — сухо ответил брат. — Чтобы убедиться в том, что ты не сможешь.

Несколько секунд она надеялась, что ослышалась. Но его надменный взгляд был так оскорбительно красноречив...

От возмущения Лара подбоченилась.

— Можно подумать, у тебя всё получилось с первого раза!

— Да, не с первого. Но это трудно, даже мне. Как видишь, Лара, я с тобой не спорю, а пытаюсь помочь. Тогда ты сама поймёшь, что мастерить мебель не женское дело.

— Почему ты так уверен, что я не смогу? — поразила она.

— В отличие от нашего отца, я немного знаю женщин, — самодовольно обронил Инго, — и прекрасно вижу, когда они начинают капризничать и хвалиться тем, чего в них сроду не бывало.

Лара едва не задохнулась от ярости, призывая на помощь всю свою выдержку.

— Дорогой брат... Несмотря на наше родство, мы с тобой знакомы первый день. Откуда тебе знать мои возможности? Неужто дело только в физической силе?

— Не только. Кроме неё, нужны ловкость, терпение, талант и трудолюбие. Извини, сестра, но ничего из этого я в тебе не примечаю.

— Помнишь, я говорила про твой живой и гибкий ум?

— Да.

— Забудь! Я никогда так глубоко не ошибалась!

Инго пожал плечами.

— Возможно, ты сама недостаточно умна, чтобы судить о чужом уме. А возможно, попросту не успела его разглядеть.

— Могу сказать тебе то же самое! Однако если я допускаю, что моё мнение в будущем изменится, ты судишь обо мне по первому взгляду, словно школяр.

— Между прочим, я собираюсь поступать в университет в Лейпциге, — горделиво заметил Инго.

Лара вспомнила своих учёных судей.

— Мой жизненный опыт показал, что соединять в себе академическую образованность и скудоумие — невелика наука.

Быстрым шагом покинув мастерскую, Лара вернулась в дом.

— Лара, скоро ужин! — крикнул сидевший у очага отец.

«Мы ведь недавно ели».

— Спасибо, мне не хочется, — прохладно отозвалась она.

— Можешь не есть, но приготовить всё равно придётся, — засмеялся отец. — Лархен! Вот и помощница тебе сыскалась. Правда, славно?

— Да, папенька, — ответил еле слышный детский голос.

Из темноты кухни, как рассветный луч, выплыла тонкая фигурка Лархен.

«Страшно представить, кем она вырастет при таком отце и брате», — подумалось Ларе. Она поймала безжизненный взгляд младшей сестры и тихо сказала:

— Бежим со мной.

Голубые глаза её маленькой копии сделались ещё больше, душераздирающая пустота в них уступала место недоумению, будто девочка медленно осмысливала её предложение.

— Ты можешь жить по-другому, — чуть громче обещала Лара. — Со мной тебе не понадобится столько работать.

Она ещё не думала, как и на какие средства они будут существовать, но звериным чутьём понимала — девочку надо спасать.

— Вы о чём толкуете? — Из кухни вышел отец. — Ужин стряпать пора.

— Отец, — начала Лара. — Я работы не боюсь, но, полагаю, будет уместнее, если вы всё-таки заведёте кухарку. Пусть даже приходящую.

— Зачем нам кухарка, когда у нас есть ты? — заулыбался отец, обнажая желтоватые зубы. — Что, убедил тебя Инго, как трудно руками работать? Теперь-то ты смирилась, что не быть тебе мебельщицей?

Лара подняла подбородок.

— Работа трудная, но интересная.

— Ха, интересная, — веселился отец. — Уж, верно, не такая интересная, как суп варить. Ступай в кухню, Лархен тебе объяснит, что у нас где.

Лара бросила на сестру вопрошающий взгляд — та едва заметно покачала головой.

— Когда ужинать будем? — грянул объявившийся на пороге Инго с фонарём в руке. — У меня от голода живот светло. Сестрица, половником ты орудуешь так же ловко, как фуганком, или половчее? — Едва закончив шутку, он расхохотался. Отец поддержал его хриплым смехом больного человека.

Лара отвернулась, чтобы никто не видел, как искажилось её лицо. Она утрашилась собственного гнева и поняла, что не выдержит в отчем доме и минуты.

— Я ухожу.

— Куда? — остолбенел отец.

— Переночую в гостинице.

Инго посмотрел на Лару, не тая разочарования.

— Да какая приличная девушка станет ночевать в гостинице одна?

— Наверное, та, что не желает орудовать вашим половником.

— Вот девка! — взвился отец. — А ты как хотела? Думала, жить с нами приживалкой и лентяйничать?

В этот миг Лара убедилась, что гнев её был вполне справедлив.

— Прежде всего я хотела познакомиться. Я уже взрослая, жить с родственниками мне совсем необязательно. Могу вас навещать. — Она задумалась. — Я могла бы жить и в качестве прислуги, если бы только вы, отец, согласились учить меня мебельному делу, но если вы непреклонны...

— Корыстолюбивая дрянь, — подытожил отец.

Лара вспыхнула, как сухая листва, которой коснулся огонь.

— Отец, не надо ссориться, — остановил его Инго. — Лара, ты ведь вернёшься?

— Возможно, — глядя на измученную бытом Лархен, ответила та. — При условии, что вы заведёте кухарку.

— Она ещё условия ставит! — вскричал отец. — Неблагодарная...

«А за что, чёрт возьми, я должна тебя благодарить?»

Лара в последний раз посмотрела на сестру и перевела взгляд на отца.

— Брат показал мне изготовленную вами мебель — и в вашей работе я увидела любовь. Жаль, этой любви недостаёт у вас для младшей дочери.

В тусклом свете свечей его измождённое лицо стало ещё болезненнее.

— Мне пора. Прощайте. — Не обнимая новообретённых родственников, она открыла дверь и шагнула во тьму.

Глава 3

ПОЗДНИЙ ВИЗИТЁР

Лара не помнила, как дошла до гостиницы. Она отыскала комнату и толкнула дверь. Одинокая свеча на комодe освещала Андреаса, который лежал на кровати в рубашке и штанах. Он приподнялся на локтях и с сомнением взгляделся в темноту.

— Лара?

— Подвинься, — пробурчала та, садясь на край постели.

— Почему ты так скоро вернулась?

— Помнишь, ты спрашивал, не думаю ли я, что мои родители воспитали бы меня хуже, чем Изольда Лихт?

Андреас кивнул.

— Я-то помню. Я потрясён, что это помнишь ты.

— Видимо, я поторопилась с ответом, — призналась Лара. — Страшно вообразить, какой бы я стала, если бы меня не похитили. Господи... — Она на миг

закрыла лицо руками, испугавшись своих слов. —
Никогда не думала, что стану этому радоваться.

— Да объяснись ты толком, — потребовал Андреас.

Лара не знала, с чего начать.

— Я так рвалась сюда, надеясь обрести покой и счастье... Но оказалось, что моя загубленная жизнь не такая уж и загубленная!

— Что случилось? Ты не нашла свою семью?

— Не семья они мне. Чужие узколобые глупцы... —
прошипела Лара и, опустив голову, добавила: — Се-
стрёнку только жаль, я бы её забрала, да сама без угла.

— У тебя есть сестра? — заинтересовался Андреас.

— И старший брат.

— Но это же прекрасно.

— Ещё бы.

— Тогда чем ты огорчена?

— Я не могу с ними жить! Возможно, не будь по-
хищения, я бы смогла, но сейчас...

Андреас будто догадался о ходе её мыслей и улыб-
нулся:

— Тебя воспитывала ведьма крайне свободных
взглядов.

«Что лучше — вырасти в чужом доме, но относи-
тельно свободной, или в родном, но с рабским со-
знанием?»

Словно отвечая на собственные мысли, Лара по-
качала головой.

— Дело не только в воспитании. Думаю, я бы спо-
рила с таким отцом и братом, даже если бы росла
вместе с ними. А Лархен... Не дай бог, она напитает-
ся этой чепухи про женскую ограниченность и пе-
рестанет верить в себя. Ей всего десять лет...

— Твою младшую сестру тоже зовут Лара? — уточнил бывший кот.

— Да.

— Фантазия твоих родителей безмерна.

— Они не чаяли, что я найдусь. — Лара сняла башмаки и забралась на кровать, чтобы лечь рядом с Андреасом. — Ну вот, теперь я завидую не только твоей памяти.

— Ты наконец разглядела мою красоту?

Она пихнула его в бок.

— Я завидую твоим отношениям с родителями.

— Хочешь с ними познакомиться? — спросил вдруг Андреас.

— Ты предлагаешь поехать в твою деревню?

— Поехать и остаться.

Лара замотала головой, настолько ей претила эта идея.

— Слишком близко к Кемницу, да и Лархен бросать нельзя.

— Возьмём её с собой.

— Отец непустит — мать умерла, и в доме Лархен вместо прислуги. Чёртов скупец! — Она ударила ребром ладони по кровати.

— Ты хочешь остаться в Дрездене?

Лара задумалась.

— Хочу, но только не с отцом. Вряд ли мы друга вытерпим. Всё, что мне остаётся, — это пойти в служанки к какому-нибудь мебельщику.

— Зачем? — удивился Андреас.

— Чтобы он научил меня своему ремеслу. Должна же я чем-то расплачиваться за уроки — деньгами или трудом.

— Лучше я дам тебе денег, не надо никому при-
служивать.

— А где мы будем жить?

— Снимем комнату, — воодушевился бывший
кот.

— Тогда мы вмиг разоримся.

— Наша карета стоит почти двести талеров. Про-
дадим карету и лошадей.

Лара до боли закусила губу.

— Я обещала Адской Тьме, что мы никогда не
расстанемся.

— Тьму оставишь себе. Ещё есть три ящика ко-
ньяка и два перстня, но мне, честно говоря, так жаль
с ними расставаться...

— С перстнями?

— И с перстнями, — согласился Андреас, а потом
воскликнул: — О! Можно шкаф продать.

— Не дам шкаф продать! — запротестовала
Лара. — Это моё символическое возмездие за то не-
потребство, что творил со мной епископ.

— Какое непотребство? — Голос рядом заметно
посуровел.

— Тыканье в меня иголкой.

— А-а...

— И раздевание догола.

— Епископ посмел раздеть тебя догола?! — под-
скочил на кровати Андреас.

Лара равнодушно зевнула в ответ.

— Теперь ты понимаешь, как важен для меня этот
шкаф?

— Угу. Ты не возражаешь, если я схожу к хозяину
за топором?

— Для чего?

— Хочу порубить епископский шкаф, ибо не могу порубить его самого!

— Вот ещё, и думать забудь! — Она снова вспомнила о младшей сестрѐнке. — Я не могу оставить Лархен в доме самодура. У меня есть выбор, с кем жить, у неё такого выбора нет.

Андреас повернулся на бок, устремляя на Лару вдохновлённый взгляд.

— Я знаю, как вызволить твою сестру.

— В самом деле?

— Завтра утром мы пойдѐм к твоему отцу.

— Та-ак.

— И ты соврѐшь, что я твой муж.

Лара с искренним интересом посмотрела на бывшего кота.

— После чего... ты скажешь, что беременна. — Андреас положил руку ей на живот.

— Зачем?

— Сославшись на то, что тебе будет трудно заниматься домашними делами, ты попросишь отца временно отдать Лархен в наш дом.

— Которого нет, — напомнила Лара.

— Зато есть деньги, перстни и коньяк — что-нибудь придумаем.

— Положим, какое-то время я смогу притворяться беременной. А что потом? — недоумевала Лара. — Где мы возьмѐм настоящего ребёнка?

Еѐ глаза встретились с двумя зелёными омутами глаз, блестящими в полутьме.

— А этим вопросом... можно заняться прямо сейчас. — Рука Андреаса поползла к её груди.

— Вот уж нет! — Лара забилась в угол кровати, вооружаясь подушкой. — Сегодня ты спишь в другой комнате!

— Я не знал, что ты вернёшься, и вторую комнату не брал, — вздохнул бывший кот.

— Тогда иди и возьми!

— А как же экономия?

— Хочешь экономить — спи на конюшне.

— Лара, мы не так состоятельны, чтобы...

— Я отказываюсь спать с тобой в одной кровати!

— Ты отказываешься спасти свою бедную сестрёнку? — трагичным шёпотом отозвался Андреас.

— Ты ловкач почище Крэха! — Лара согнала его с кровати ногами и зарылась под одеяло. — Уходи! И свечу оставь!

— Жестокосердная.

— Наглец.

Только услышав, как Андреас хлопнул дверью со стороны коридора, Лара смогла расслабиться и закрыть глаза. За день она так устала от впечатлений и переживаний, что сон не заставил себя ждать. Последней её мыслью было: «Андреас настолько хитёр, что терять в его присутствии бдительность — недопустимая роскошь».

Лара проснулась от того, что чьи-то руки шарили по её телу через одеяло.

«Да когда же ты утомнишься, спасатель бедных сестрёнок?..»

Не открывая глаз, она сердито двинула ногой.

— Андреас, я ведь ясно сказала, что хочу спать одна.

Тот приставать не прекратил, и Лара замахнулась, чтобы наградить его смачной пощёчиной.

— Бесстыжий ты котяра.

Её запястье поймала прохладная рука. Чужая рука, усыпанная кольцами.

— Вот и свиделись, барышня.

Различив под шляпой ненавистное лицо, Лара вскричала:

— Граф фон Херхель?!

— Приветствовать меня столь бурно нет нужды, — поморщился Филипп. — Не то я решу, что ты сбежала из тюрьмы лишь ради этого мига.

— Да я тебя так ненавижу, что убить готова!

Лара попыталась ударить молодого графа свободной рукой, но он потянул её за запястье, вынуждая сесть. В ту же секунду перед глазами возникло изящное дуло пистолета с кремнёвым замком.

— Тебе известно, что это?

Лара невольно отклонилась назад. В горле пересохло, ответ ей дался с трудом:

— Да.

— Отвечай, где твой дружок, иначе пристрелю.

— Я н-не... — Прежде чем она закончила, дверь распахнулась — в комнату влетел Андреас:

— Ты кричала?

Его обеспокоенное лицо ожесточилось, и Лара услышала довольный голос Филиппа:

— Это ты кот-колдун? Не знаю, насколько тебе дорога эта бесполезная девка, но, полагаю, что небезынтересна, если вы путешествуете вместе.

— Отойди от неё, Айхельштарк! — процедил бывший кот.

— Не тревожся, я пришёл не за ней, — мягко улыбнулся граф. — Я пришёл за тобой.

— Зачем тебе Андреас? — не удержалась Лара.

Взгляд прозрачных серых глаз вернулся к ней.

— Прошу прощения, если разочаровал. Ты говорила, что через три недели к твоему любовнику явится Библиотекар. Это правда? — Филипп вопросительно посмотрел на Андреаса.

Тот кивнул.

— Ровно через двадцать дней.

— Прекрасно. Тогда пусть он лучше явится в мой замок, нам есть о чём потолковать. — Филипп указал подбородком на Андреаса. — Ты едешь со мной в Кемниц.

— Ты... так жаждешь стать колдуном, что готов меня похитить? — поразился тот.

— Да. И если ты попробуешь сказать заклинание или сбегать, я прострелю этой барышне голову.

Андреас помрачнел ещё больше.

— Я не сбегу, и колдовать я уже не способен. Убери оружие!

Дверь снова открылась, чтобы впустить графского кучера, которого Лара видела в Кемнице в ночь перед казнью.

— Свяжи его, — велел дворянчик.

Лишь когда кучер завёл руки Андреаса за спину и связал их, Филипп опустил пистолет, с сомнением оглядывая своего пленника.

— Куда подевалась твоя колдовская сила, ведьмин ухаждёр?

— Силу давала книга, но её украли.

— Гм... Тем лучше, — заключил граф.

— Зачем увозить человека в другой город? — осмелела Лара, впиваясь ногтями в одеяло. — Если тебе так важно встретиться с Библиотекарем, останься с нами в Дрездене на двадцать дней и жди. Клянусь, мы никуда не сбежим!

— «Мы»? — усмехнулся Филипп. — Ты мне даром не нужна, меня интересует только твой любовник. Ступай вперёд, колдун! — Теперь он направил дуло на Андреаса и, повернувшись к Ларе спиной, шагнул к двери.

«Пистолет... Выстрелив раз, он не успеет его перезарядить¹».

Она заметила, как кучер встал вполоборота, отворяя дверь, и спрыгнула с кровати, одновременно набрасывая на голову Филиппа одеяло.

— Лара, нет! — заорал Андреас.

Грянул выстрел. Сноп искр вспыхнул и растаял в дыму. Лара не успела свалить графа на пол — кучер одним ударом в грудь толкнул её в угол комнаты.

От боли глаза заволокло туманом, дыхание оборвалось и восстанавливаться не спешило. Слеплённая Лара напрасно хватала воздух ртом, не в силах вымолвить и слова. Всё, что могла — это слышать крики мужчин:

— Рольф, подай мне второй пистолет!

— Я не сбегу, не убивай её!

— Подлая тварь...

— Если ты выстрелишь, я сделаю всё, чтобы ты не дождался встречи с дьяволом!

К двери приближался топот.

---

¹ Пистолеты в 1648 году были однозарядными.

— Кто стрелял? В чём дело? Вы перепугали людей...

— Я стрелял. Все живы, пошёл вон.

— Матерь божья! Это мне теперь дыру в стене латать придётся...

Зазвенели монеты.

— Бери и уходи!

Лара наконец задышала. Пахло порохом. В глазах прояснилось, и она увидела, как Филипп и его кучер уводят связанного Андреаса из комнаты.

— Андреас, — прохрипела она.

Тот серьёзно посмотрел на неё — ни тени прошлой весёлости:

— Не смей за нами ехать! Когда всё разрешится, я вернусь. Компания, конечно, сомнительная, но я потерплю.

— Он не вернётся, — пообещал Филипп. — Как только я подпишу договор с Библиотекарем, я избавлюсь от твоего любовника самым справедливым способом — сдам его дядюшке как колдуна.

Лара дёрнулась. Андреас непонимающе уставился на Филиппа сверху.

— Какой тебе прок?

— За то, что ты не дал повесить эту ведьму, повисишь вместо неё.

«Он погибнет из-за меня!»

Лара попыталась встать.

— Сидеть! — рыкнул граф, приставляя дуло к виску Андреаса. — Или хочешь его смерти прямо здесь?

Тело и дыхание сковал страх.

«Он прав, я бесполезна! — внутренне кричала Лара. — Что я могу? Что делать?!»

— Иди к своим, — будто в ответ, сказал Андреас, бросая на неё прощальный взгляд. Даже в полумраке

было видно, как он бледен. — Не слушай его, киса, я вернусь. Не делай глупостей!

Кучер захлопнул дверь. Лара напрасно искала глазами какое-нибудь оружие и подбежала к окну. На графской карете висели фонари, позволяя разглядеть, как из гостиницы выходят трое.

— Про месть ты, не подумав, ляпнул? — донёсся голос Андреаса. — Я ведь и убиться могу, и не видать тебе Библиотекаря.

— Убиться я тебе не дам, не надейся.

Андреас сел в карету, подталкиваемый Филиппом. Так же как когда-то Лара. Нестерпимое чувство вины захлестнуло новой волной. Глаза затопило слезами, и Лара не увидела, как экипаж тронулся с места. Она поняла это лишь по свисту кнута и топоту лошадиных копыт.

Лара не знала, сколько времени стояла, упёршись лбом в стекло и рыдая. И как бы ни ослабляли рыдания, ей хотелось крушить всё вокруг. Она ударила по подоконнику, потом по столу. Набегающая и жалищая боль успокаивала, облегчая боль внутри.

С силой треснув по комоду, Лара увидела, как открылся верхний ящик, и с раздражением толкнула его обратно. Но ящик закрылся не полностью и без желанного грохота — что-то мешало. Она пригляделась и выдвинула ящик: в нём лежала одежда Андреаса. В нос проник запах табака, снова вызывая приступ слёз.

— Его вещи, — прошептала Лара. И больше не плакала.

Вместо этого она достала одежду Андреаса и разложила её на кровати. Живо сбросив с себя юбки,

корсаж и сорочку, Лара облачилась в белую рубашку, чёрные штаны и камзол. Подвернув чересчур длинные рукава, она натянула ботфорты. Затем подошла к настенному зеркалу, чтобы повязать на шее белый батистовый воротник, и, перехватив волосы лентой, надела чёрную фетровую шляпу с красными перьями. Дорогая одежда Андреаса сидела на Ларе лучше, чем наряд покойного ландскнехта, который у неё отобрали в тюрьме, но всё равно заставляла чувствовать себя полуголой.

В зеркале отразился уже знакомый мальчишка с отчаянным взглядом, что когда-то пытался бежать от инквизиторов.

«Я не дам его убить», — мысленно решила Лара, собирая в узел остальные вещи — свои и Андреаса.

Она повесила на руку плащ и спустилась вниз. В ботфортах ощущалась неприятная пустота.

«Придётся ходить аккуратнее».

— Вы кто такой? — насторожился сидевший у очага хозяин гостиницы.

— Я со второго этажа, — не меняя голоса, ответила Лара.

На лице хозяина проступило медленное осознание.

— Госпожа из комнаты, в которой стреляли? Вы не ранены?

— Нет. Я съезжаю. Пусть конюх закладывает мою карету.

Положив плащ и узел в золочёную карету, Лара проверила, надёжно ли закреплён на крыше епископский шкаф, пока конюх запрягал лошадей.

— А где ваш кучер? — не удержался от вопроса юноша.

— Я сама себе кучер, — бросила Лара, сходя с ума от нетерпения.

Дождавшись, когда конюх отойдёт, она села на козлы и взяла вожжи — но только для вида.

— Мне надо проститься с семьёй. Поезжайте в проулок.

Четыре лошади закивали головами.

Дорога заняла не больше двух минут. Лара ещё издали увидела вывеску мебельной лавки. А рядом — чёрную карету с вензелем «К», запряжённую шестёркой лошадей. Похожая карета перекрывала ей путь во время ареста.

«Не может этого быть...»

Лара сказала лошадям остановиться, спустилась на землю и прошла вперёд, чтобы взглянуть на крыльцо отчего дома. У входа темнела знакомая грузная фигура. Фонарь в руке отца освещал не только его бледное лицо, но и тонкий профиль стоявшего перед ним господина в окружении четырёх охранников.

«Сталеглазый канцлер!»

Сдвинув шляпу на лицо, Лара отступила в тень и побежала к карете, слыша в каждом своём шаге биение сердца.

«Какого чёрта? У него дел других нет, кроме как ловить по Саксонии сбежавшую ведьму?! — Её одновременно трясло от страха и негодования. — Теперь мне совершенно точно придётся уехать...»

— Снова вы? — удивился хозяин, едва она показала на пороге гостиницы.

Лара вытащила из кошелька клочок бумаги и один рейхсталер.

— Вы не могли бы кое-что передать моему отцу? Вот адрес.

— Конечно. Что ему передать?

— Шкаф.

Когда конюх вместе с хозяином, пыхтя от усилий, сняли с крыши кареты великолепный ясеневый шкаф, Лара приблизилась к кобылам и зашептала:

— Тьма, Снежинка... Ромашка и Весна, нам предстоит долгий путь. Мы едем на север — к морю... Вероятно, это единственный способ спасти вашего хозяина.

Глава 4

КОЛДУНЫ И РАЗБОЙНИКИ

Ловя первые лучи восходящего солнца, Лара развернула карту Священной Римской империи германской нации. Мысленно провела линию от Дрездена до Ростка через Саксонию и Бранденбург и сделала в том месте залом.

«Чтобы найти Крэха, мне придётся пересечь почти половину империи», — осознала она и с высоты козел посмотрела на четвёрку кобыл.

— Лошади не съезжены, трое из них — мыши... — проворчала Лара, складывая карту и заталкивая её за пазуху. — Осият ли они такую долгую дорогу?

Она ехала всю ночь, Дрезден остался далеко позади. Впереди виднелись стены Кёнигсбрюка.

Город оказался даже меньше Кемница и тоже был полуразрушен. Чтобы восполнить силы для дневного пути, Лара задержалась в Кёнигсбрюке на два

часа. Заехав в местную таверну, она попросила конюха распрячь лошадей. На всякий случай попыталась запомнить последовательность его действий.

«Не приведи господь, понадобится делать это самой...»

Кобыл отвели в конюшню и дали овса. Пока они отдыхали, Лара завтракала в таверне омлетом. Сидя за столом, она нашла на карте родной лес и Кемниц. Вспомнила, за какое время доезжала верхом от особняка до города. Сравнив эту скорость с примерной скоростью кареты, Лара подтвердила печальную истину — ехать в экипаже было удобнее, но гораздо медленнее, чем верхом.

«А у меня всего двадцать дней. Ещё неизвестно, сколько времени я буду искать Крэха в порту. Может быть, продать карету? Сколько, говорил Андреас, она стоит? Около двухсот талеров? Безумные деньги — можно несколько лет жить припеваючи. — Она задумалась и посмотрела в карту. Избавляться от кареты не хотелось, несмотря на все разумные доводы. — Доедем до Финстервальде, там решу. Кто знает, сыщется ли в этих городках покупатель, готовый заплатить столь высокую цену. Да и как я повезу с собой мешок с деньгами? По крайней мере, двадцать дней Андреасу ничего не грозит, а потом...»

По телу пробежала дрожь.

Пока конюх запрягал лошадей, Лара снова встала у него над душой, пытаясь ничего не упустить. Затем накупила на рынке провизии и отправилась в путь.

Некоторое время они ехали вдоль реки Пульсниц. Когда по краям тракта вырос лес и им долго

никто не встречался, Лара остановила лошадей, чтобы пересечь с козел в карету и поспать хотя бы час.

— Поезжайте вперёд. Как устанете, скажите, — сонным голосом напутствовала она кобыл.

Её разбудило тревожное ржание.

Лара не сразу поняла, что лежит на сиденье. Она с трудом приподняла неотдохнувшее тело, высунула голову в окно и поморщилась от облака дорожной пыли.

— Утомились?

— И-и-и-и! — ответили без усталости, но с ужасом.

Она легко узнала голос Адской Тьмы и посмотрела назад. Вдали темнели фигуры всадников.

— Стойте! — крикнула Лара кобылам.

Те встали и, едва она села на козлы, сорвались с места раньше, чем им дали команду.

«Они боятся?»

Надевая кожаные перчатки с раструбами, Лара вновь оглянулась — пятеро всадников приближались. Теперь она даже могла их рассмотреть. И то, что она видела, доверия не внушало.

Над головами мужчин торчали пики и длинные палки. Почти все носили бороды и были одеты в выцветшие крестьянские одежды, а иные — и вовсе в лохмотья. Среди шляп сиял солдатский шлем, который, возможно, принадлежал дезертиру. О бока лошадей бились полупустые мешки — точно как у злополучного отряда кирасир.

Лара услышала свисты и крик:

— Стоять...

Разномастность шайки не оставляла сомнений, пугая до нервной дрожи.

«Разбойники!»

На кнут, своё единственное оружие, она не рассчитывала. Надеяться, что измотанные и развращённые войной люди проедут мимо, было глупостью — уж слишком манила роскошная, хоть и безвкусная карета Андреаса.

«Ещё минута-две, и они меня догонят, — подумала Лара. — Хорошо, если только ограбят, а если поймут, что я женщина...»

— Надо их задержать. — Она потянула за вожжи, не смея кричать.

Адская Тьма и Ромашка замедлились, пока Весна и Снежинка продолжали бег. Из-за этой неровной остановки Лара чуть не свалилась, совсем теряя самообладание. Спрыгнула, лихорадочно открыла дверцу и, выдвинув из-под сиденья ящик коньяка, опустила его на землю.

— Натe, подавитесь... Девчонки, гоните!

Она второпях села в карету, на ходу закрывая дверцу. Кобылы тем временем перешли в галоп.

Отъехав от подарка на достаточное расстояние, Лара со страхом высунулась из окна. Оставленный на дороге ящик окружили всадники. Её подношение разбойники оценили по достоинству — поделили, откупорили, отведали прямо с горла. Но с миром не отпустили.

Когда Лара смотрела, как бандиты садятся верхом и снова едут за ней, сердце стучало, заглушая все прочие звуки — топот копыт, свист преследователей, собственный голос...

— Чтоб вам провалиться! — Она вжала кулак в стену. — Стой!

На сей раз Лара выставила на дорогу ещё два ящика коньяка. С последним ящиком случилось странное. Если раньше она не ощущала их веса, то теперь плечи ныли от тяжести, а руки в перчатках тряслись от страха. Да и не свои были руки, чужие...

«Это не со мной» — решила в мыслях Лара.

Она сама от себя не ожидала такого фатализма. Тряхнула тяжёлой головой, влезла на козлы и заорала:

— Скачите так быстро, как можете!

Руки вцепились в вожжи. Кобылы понеслись вперёд.

«Только бы от них оторваться, пожалуйста...»

Посмотреть назад не хватало духу. Довольно было того, что крики стали неразличимы и наконец умолкли. Когда Лара трусливо оглянулась, её уже никто не преследовал.

— Господи... — Она вздохнула с улыбкой облегчения. — Хоть где-то коньяк пригодился.

Морок ужаса, постигший разум, почти отступил. Лара достала из-за пазухи карту и развернула.

«На ближайшее время я откупились, но лучше съехать с тракта и отыскать место для укрытия. Хорошо бы, в городе, а то деревня не защитит...»

— Фью-ю-ю-у! — донёсся издали свист.

Не откупились. Не оторвалась.

— Да что вам надо от меня?! — в отчаянии вскричала она. — Когда же вы уймётесь, подонки?!

И сама себе ответила: «Они уймутся, только получив карету».

Судьба, пожалуй, никогда не ставила её перед столь трудным выбором. Но жизнь была важнее.

— Стой! — со слезами в голосе повторила Лара.

Перепуганные кобылы снова встали вразлад. Лара спрыгнула, уже не бранясь. Когда она срывала дышло с левой стороны, Адская Тьма повернула к ней голову и вопросительно заржала.

Ответить Лара не могла. Надо было скорее освободить кобыл и не зареветь.

А топот приближался.

По счастью, распрягать лошадей было легче, чем запрягать. Обращённые в лошадей мыши стояли растерянно, а Адская Тьма поняла — нетерпеливо забила копытами и приклонилась.

— Бегите, — хрипло сказала Лара серым лошадям. И, злясь на себя за слабый голос, замахнулась кнутом.

Нелепо вскидывая ноги, Ромашка и Снежинка бросились в разные стороны. Замешкалась только Весна, в ногах которой путались вожжи. Лара сообразила их подхватить и села верхом на Адскую Тьму.

— Прочь отсюда! Прочь!

Тьма поскакала вглубь леса, серой кобыле пришлось последовать за ней. На дороге осталась принесённая в жертву карета — с разверстой дверцей, словно ахнувшая от изумления.

От холодного пота взмокла спина.

Даже отряд кирасир не пугал Лару так, как эта кучка лиходеев. Тогда от опасности её отделял защитный ров и магия, теперь один лишь лес.

— Двести талеров, — захлёбываясь дрожью, бормотала она. — Двести, чтоб им сдохнуть, талеров... А я ещё надеялась её продать... И беспокоилась, что будет тяжело везти мешок с деньгами...

«Зато теперь налегке!»

При ней остались только карта, фляжка, кнут и кошелёк, набитый монетами разного достоинства. Лара вспомнила, что, кроме трёх ящиков доброго коньяка, разбойникам досталась вся провизия, узел с вещами Андреаса, её одежда, башмаки... И похолодела.

«Если они догадаются, что я женщина, то непременно отправятся на поиски».

Как и многие девушки, Лара боялась не столько смерти, сколько насилия. Смерть, в конце концов, могла быть лёгкой и быстрой. А насилие — никогда. Именно звериный страх перед этими пытками и гнал её вперёд, принуждая забыть об усталости.

Спустя примерно час пути Лара уговорила себя замедлиться и оглядеться. Судя по солнцу, время давно перевалило за полдень. Вековые дубы, буки и клёны, едва начавшие багроветь, перемежались с елями.

Лара прислушалась — ни звуков преследования, ни шума воды. Только жизнерадостное пение птиц на разные голоса, что так не вязалось с её тревогой. Она спешила и вытасила карту.

— Насколько же я отделилась от реки, если ничего не слышу..

Река была и ориентиром, и источником воды.

— Вы, должно быть, устали, но мне нечем вас напоить, — покаянно призналась Лара кобылам. — Назад нам нельзя, пойдёмте на север. Возможно, наткнёмся на ручей или деревню. В худшем случае отдам вам воду из фляжки.

Её опасения сбылись, когда солнце начало клониться к закату, но никаких ориентиров на их пути не возникло. Придерживая за подбородок Адскую Тьму, а затем Весну, она дала им попить из фляжки.

Лара почистила лошадям копыта, и они опять двинулись вперёд.

«Быть может, я с каждым шагом ещё больше удаляюсь от дороги... — в ужасе подумала она. — Надо скорее добраться до ближайшего поселения».

Однако поселения им так и не встретилось. Лара снова и снова разворачивала карту, ища ответы в расплывчатых зелёных пятнах, обозначавших лес.

— Я даже не знаю, где мы и куда нам идти, — шептала она.

Вечерело. Стало слышно, как стрекочут сверчки. Дневные птицы давно замолкли, уступая место ночным. По мере того как удлинялись тени и в лес пробирався мрак, в тело Лары пробирався страх. Днём его отгоняло солнце, надежда, птичьи рулады... Теперь — ничего. Оставалось держаться за вожжи и во все глаза всматриваться в предательскую темноту.

Первой реку заметила Адская Тьма.

— Умница моя! — Лара погладила лошадь по гриве и побежала наполнять пустую фляжку, от радости бросив шляпу на землю. — Хоть что-то хорошее!

Она напилась и умылась. Немного поёжилась, не ожидая, что вода будет настолько холодной. Между деревьями взошла луна, освещая подлесок.

— На ночь останемся здесь, — объявила Лара, когда кобылы кончили пить.

Адская Тьма согласно всхрипнула, Весна только стригла ушами, отгоняя насекомых.

Где-то кричала выпь. Ларе уже доводилось ночевать в лесу, но тогда её охранял ворон, она была кошкой и в любую минуту могла вскочить на дерево. Что её спасёт? Лишь кнут да две кобылы.

Лошади улеглись под деревьями. Натаскав палой листвы, Лара опустила на свою подстилку и прижалась к тёплому боку Адской Тьмы. Проверила, все ли вещи на месте. Подумав, положила на колени кнут и завернулась в плащ.

Надо бы закрыть глаза, но страшно. Надо бы поспать, но это казалось ещё страшнее. Некоторое время она прислушивалась к ночным шорохам и уханью совы. В памяти всплыли слова доброй Гретхен из сна: «Эка невидаль — девица, путешествующая в одиночку, тем более ночью!»

— Эка невидаль, — одними губами повторила Лара.

Ласковая рука убрала с её лба прилипшие волосы.

— Ты всегда была трусихой, — прошептал знакомый голос. — С детства.

Андреас сидел рядом с ней, подложив под щёку руку, которой опирался на лежащую Тьму. Лохматые кудри чернели на фоне белой, призывно распахнутой на груди рубашки, а чуть прищуренные глаза блестели.

— Да какая трусиха станет ночевать в лесу? — возмутилась Лара.

Андреас тихо засмеялся.

— Умная трусиха наверняка не станет.

Она поджала губы.

— Какого чёрта ты пришёл ко мне как покойник?

— Ну почему как покойник? Я пришёл как твоя ночная фантазия.

— Глупости болтаешь. Я ни о чём таком не думала.

— Хочешь, я тебя поцелую? — предложил вдруг Андреас.

— Обойдусь.

— Зачем же ты отправилась меня спасать?

— Затем, что это я виновата в твоём похищении, — с горечью сказала Лара.

— Тобою движет только чувство вины?

— Да.

— Уверена?

— Да!

Андреас наклонился к её лицу, горячо дыша и вынуждая отвернуться.

— Т-ты... что такое делаешь? — растерялась Лара.

— А ты не слышишь?

— Что не слышу?

— Волки, Лара.

— Что?

В ответ заржала Адская Тьма.

Лара открыла глаза — и в уши туманом влился волчий вой. Пока далёкий, но вполне отчётливый. Ноги мелко задрожали, а надо было вставать.

— Тьма... Весна... — неверным голосом позвала она.

Кобылы подскочили на ноги. Схватив Весну за вожжи, Лара взобралась на Тьму, и они поспешили вглубь леса.

«Больше никаких ночёвок в лесу! Ночевать буду только на постоянных дворах, ни к чему эта бравада!»

Она впилась глазами в бледный диск луны, надеясь найти малейшие признаки скорого рассвета. Его пришлось ждать ещё два часа. Днём Лара радовалась, что лето кончилось и жара спала, а ночью пожалела об этом. Особенно холодно было перед восходом, когда от тепла, скопившегося за день, не осталось и следа, а от дыхания клубился пар.

Едва за пением ранних птиц слышалось звонкое кукареканье, она чуть не заплакала от счастья.

Лара поехала на голос петуха и вскоре увидела поля и деревенские дома.

— Доброе утро! — понизив голос, обратилась она к встречному крестьянину. — Скажите, как зовётся это место?

— Чорнегозда¹.

— Боже, куда меня занесло?..

— В Верхнюю Лужицу, — невозмутимо ответил парень.

— Это я уже понял..

Молодой крестьянин помог ей отыскать на карте дорогу. Лара купила у него короб с сыром, хлебом и салом, а у соседа-кузнеца — седло, потник, стремяна и поводья. Первой она седлала Адскую Тьму.

— Буду сменять вас каждые три часа, — сказала Лара кобылам.

Тьма кивнула, а вот поняла ли её Весна, равнодушно отмахивающаяся хвостом от мух, — было неясно. Лара прижалась лицом к щеке Адской Тьмы.

— Прости, я обещала, что не буду причинять тебе боль.

Лошадь ободряюще фыркнула. Хотя они немало отклонились от намеченного пути, Лара больше не тревожилась.

«Всё хорошо, я справлюсь».

К середине дня Лара почувствовала знакомое онемение между ног. Сначала решила, что это последствия непривычно долгой езды верхом. Но нет — когда она спешилась, на седле осталось пятно крови.

---

¹ Сейчас это город Шварцхайде.

— Проклятая жи-и-изнь, — застонала Лара, не зная, как быть с этой новой напастью.

Она уткнулась лбом в шею Адской Тьмы. Та повернула к ней голову и заржала, будто спрашивая: «Что случилось?»

— Худшее, что может случиться с женщиной в пути, не считая разбойников, — вздохнула Лара.

«Всё верно. Сегодня четырнадцатое сентября. Последний раз пришёлся на кошачий период, поэтому неудобств не доставил, но сейчас... То, что легко скрывалось юбками, трудно скрыть, когда ты в штанах, пусть и чёрных!»

Она отёрла кровь с седла и, недолго думая, сорвала с шеи белый кружевной воротник.

— Андреас не простит, — пробормотала Лара, раздирая бесценный воротник на два лоскута, и горько усмехнулась.

«Если я вообще когда-нибудь его увижу...»

Теперь ей приходилось искать для стирки какой-нибудь ручей или водоём и останавливать Тьму и Весну чаще обычного. Им эти передышки были только в радость. Затем она привязывала лоскут к запястью, чтобы просушить его по дороге.

Доехав вечером до постоялого двора, Лара заплатила за ночлег на конюшне рядом со своими лошадьми. Утром она собрала испачканную солому и выбросила.

На третий день пути кровотечение усилилось, и двух часов для каждого куска батиста уже не хватало. Тогда Лара приняла трудное решение заехать в ближайшую деревню, чтобы дать себе и кобылам отдых до утра.

— Заодно пополню запас еды, — утешалась она.

Судя по карте, ближайшая деревня называлась Вендиш-Дрена¹. Но никакой деревни Лара не увидела — только старую церковь образца поздней готики, заброшенный фахверковый дом в два этажа и останки деревянных строений, заросшие травой.

Будто мало ей было бед, о шляпу стукнули первые капли. Пережидая дождь, Лара завела лошадей в церковь. Все оконные и дверные проёмы имели остроконечную арку с литыми каменными архивольтами. В стрельчатых окнах виднелись потускневшие картины из цветного стекла.

— Есть тут кто? — крикнула Лара, забыв понизить голос.

Крик отразился от тёмных сводов церкви и вернулся жутким эхом. От страха заколотилось сердце.

«Хватит трястись, точно лист на ветру. Нет здесь никого!» — рассердилась она на себя.

Оставив лошадей у аналая², Лара обыскала церковь и фахверковый дом, но ничего съестного не нашла. Единственная добыча — два истлевших по краям одеяла, которые она набросила на спины кобыл как попоны. Адская Тьма и Весна остались довольны.

Лара снова отправилась в путь.

Следующая деревня, до которой пришлось добираться ещё час, выглядела вполне жилой — кое-где вился дым и кудахтали куры. Лара спустилась с Весны и, держа её под уздцы, приблизилась к самому крайнему дому. Во дворе, поставив на лавку корыто, полоскала бельё немолодая матрона.

---

¹ Сейчас это город Вальддрена.

² Церковная подставка с наклонной поверхностью для книг.

— Здравствуйте! — крикнула Лара из-за забора.

Спасительная хрипота, из-за которой она кашляла уже два дня, восполняла в её голосе нехватку мужественности.

Женщина подняла голову, окинула Лару быстрым взглядом и, вытирая о передник мокрые руки, двинулась к калитке.

— Здравствуйте, молодой господин, — улыбнулась матрона, поправляя чепец. — Что вам угодно?

Лара прокашлялась.

— Я устал в пути. Нельзя ли отдохнуть в вашем хлеву до утра? Сколько будет стоить кров и ужин?

— Отчего же в хлеву? Мы постелем вам в доме...

— Нет-нет! — заволновалась Лара. — Я не настолько богат, чтобы оплатить такую милость.

«В доме будет труднее скрыть кровь!»

— Добрые люди должны друг другу помогать, — медовым голосом заговорила хозяйка, впуская Лару с лошадьми во двор. — Я с вас денег не возьму...

— Как это не возьмёте? — удивилась та.

Потом из дома вышли три девушки цветущего возраста, а хозяйка, поднося кусок хлеба с кувшином молока, обмолвилась, что в их доме давно не бывало мужчин, и Ларе стало ясно всё.

«Чёрт подери, куда я попала? Они ж от меня не отстанут...»

— Угощайтесь, а то вы, поди, давно уж досыта не наедались, — красноречиво оглядывая её фигуру, сказала матрона.

Лара откусила от тёплого хрустящего хлеба и едва не зажмурилась от удовольствия. Четыре женщины не спускали с неё пытливых глаз.

— А где ваш муж? — спросила Лара, всем сердцем желая нарушить это тягостное молчание.

— В армию забрали, — ответила хозяйка. — Даже не знаем, живой ли он. Вербовщики лет пять как всех нестарых мужчин увели, в их числе и сына моего шестнадцати годков.

— Дай бог, чтобы после войны ваш муж и сын вернулись здоровыми, — искренне пожелала Лара.

Но глаза женщины были отравлены горечью сомнения.

— Ох, господин, я уж и не надеюсь ни на что... Я-то родом из Вендиш-Дрены. Отсюда недалеко. Двенадцать зим почти минуло, как шведы мою деревеньку сожгли. Кто-то бежал, но большей частью всех повырезали. От родины моей остались только церковь, гостиница и дом лесничего.

«Так вот что случилось с той деревней», — вспомнила Лара.

Она хотела выразить женщине сочувствие, но не успела:

— Какой у вас занятный говор, господин. Вы откуда будете? — поинтересовалась одна из девушек.

Лара на мгновение задумалась — солгать или ответить правду? Лжи в её жизни и без того хватало, поэтому сказала честно:

— Я из Кемница.

— А звать вас как?

Об имени она не позаботилась, а потому назвала имя брата:

— Инго.

Девушки принялись расспрашивать о военных действиях на юге Саксонии, и Лара решила поскорее кончить с трапезой.

— Извините, но я очень утомился..

— Живо в дом, постелите господину, — приказала дочерям хозяйка.

— И всё же я хотел бы заплатить, — настаивала Лара.

— Что вы! Нам только в радость такого видного юношу принимать. Набирайтесь лучше сил и ни о чём не беспокойтесь.

«Придётся ночью смотреть в оба, — с тоской подумала она, следуя за матроной в дом. — Опять не высплюсь. Проклятая жизнь...»

Лара проспала до заката.

Когда она поднялась со своей постели на полу, на серой простыне расплывалось красное пятно. Зато набитый сеном тюфяк почти не пострадал. Соображая, как бы незаметно отстирать кровь, Лара натянула ботфорты, вышла в кухню и поискала глазами какой-нибудь сосуд с водой. Когда она ничего не нашла, то выглянула во двор и заметила на лавке неполный ковш.

«Хвала небесам!»

Вернувшись в комнату с ковшом, Лара увидела, что над запачканной постелью стоит старшая дочь хозяйки, и с трудом подавила желание бежать.

Девушка перевела недоумённый взгляд с кровавого пятна на Лару.

— Вы ранены? — спросила она.

— Да, — легко согласилась та. — По счастью, рана несерьёзная.

— Позвольте я перевяжу..

— Нет-нет, не стоит!

Это было сказано слишком резко, слишком высоким голосом...

«Чёрт бы побрал этот голос!»

В глазах девушки блеснуло вполне естественное подозрение. Лара почувствовала, что обречена.

«Меня спасёт только чудо».

— Ханна! Ханна! — звонко раздалось со двора. — Ведьму поймали!

«А вот и чудо... — с облегчением подумала Лара. — Кого поймали? Ведьму?!»

Она и девушка устремились во двор почти одновременно. Младшая дочь хозяйки с непокрытой головой в нетерпении подпрыгивала у калитки.

— Что ты скачешь как коза? Тебе уже двенадцать, — одёрнула Ханна сестру. — Где твой чепец?

— Скорее! Пойдёмте смотреть! Вся деревня собралась!

Захватив плащ и шляпу, Лара вышла за калитку вместе с сёстрами. К одному из домов стекался народ, окружая место происшествия. Девочка увлекла Ханну в первый ряд, Лара предпочла остаться за толпой — высокий рост и так позволял ей видеть всё.

У открытой калитки она заметила светловолового мальчика лет одиннадцати и его мать. Перед ними стояла телега. Единственная запряжённая лошадь лежала на дороге в грязной жиже, а рядом бранилась плоскощёкая крестьянка:

— Моя кобыла подвернула ногу перед твоим домом! Знать, это ты её околдовала!

— С утра лил дождь! — оправдывалась хозяйка дома. — Твоя кляча в лужу зашла, там грязь скользкая, вот и оступилась. При чём тут я?

— При том! Без кобылы я по миру пойду — не того ли ты, шельма, хотела?

— Да на что мне губить твою кобылу? Зачем?

— Из зависти! У меня-то все дети от мужа, а у тебя?

Женщина скривила губы и не ответила, только покрепче сжала руку мальчика.

— Откуда сын у тебя, коли муж твой сгинул на войне? — спросили в толпе. — Ясное дело, от дьявола!

— А то вы не знаете, что мой сын после шведов родился? — уже не пряча гнев, процедила женщина.

— Бесстыжая, — сплюнул кто-то.

— Если сумела забрюхатеть, значит, тебе понравилось! — едко добавила хозяйка телеги.

Попытки устыдить несчастную приводили Лару в ярость. Ей стало трудно дышать.

— Можно подумать, я одна из Вендиш-Дрены спаслась! — обозлилась женщина. — Люди, вы ж меня ещё девчонкой помните! Ну какая я ведьма?

— Ведьма... Ведьма... — зашелестели в толпе голоса — да так знакомо, что Лара покрылась мурашками.

Из дома, тяжело опираясь на палку, вышел хромой мужчина. На вид ему было за пятьдесят.

— Папа, возвращайся в дом!

— Я не могу остаться в стороне, когда мою дочь винят понапрасну.

— И отец твой — колдун! — прибавил кто-то.

— Вестимо, колдун! Всех мужчин на войну похищали, а его пожалели. Этих сволочей вербовщиков ни снесью, ни монетой не умаслишь. Только колдовством их одолеть!